

Степная Дурасовка

Сретенская церковь в с. Беклемишево после частичного восстановления. Сохранилась лишь средняя часть сооружения.

Так выглядел храм в начале XX века. Картина Н. Дубова

Истоки

Моя малая родина – деревня Степная Дурасовка Карсунского уезда Зиновьевской волости (ныне с. Беклемишево Вешкаймского района). Деревня стоит на речке Стемас, которая сливается из двух речушек. Это очень живописное место. Лес окружает деревню со всех сторон. Недалеко, со стороны Ляховки, расположено Белолобяжье озеро. За ним начинается казённый лес с озером Кряж. Со стороны Араповки – Большая дубрава.

Беклемишево и Дурасовка расположены вдоль Дурасовской речушки.

А в начале деревни выбивают родники с исключительно прозрачной, холодной водой. Вот у такого родника располагался дом моего прадеда Ефима Николаевича Саюшова. Семья у него была приличная. Он, жена Матрёна и четыре дочери. Дом в начале XX века был уже стареньким. Когда умерли Ефим и Матрёна, дочь Прасковья купила себе маленькую избушку в центре села и взяла к себе племянника Фёдора от сестры Евдокии. Так мой будущий отец стал её приёмным сыном и помощником.

Спиртзавод и культурная жизнь

Между Беклемишево и Дурасовкой пролегает большой пруд, с одной стороны которого в два-три ряда возвышаются старые деревья. Там, за деревьями, когда-то располагался

Рабочие спиртзавода. Третий справа – Ф.П. Белоусов, отец автора. 1930-е годы

спиртзавод – его снесли в 1960-е годы. Здесь стояли два двухэтажных дома и один флигель, в котором размещалась контора завода. Недалеко от флигеля стоял длинный двухэтажный дом – там жили работники завода. В середине сада находилась открытая площадка для танцев и кино, а неподалёку – могила первого директора завода, который погиб во время паводка в 1920-е годы.

В нашем совхозном клубе организовывались танцы для молодёжи под балалайки, мандолины и двухрядки. Организовывались концерты приезжих артистов. Помню, приезжал силач Бунин. Особенно запомнилось выступление драмкружка и показ кино с титрами. Нас, подростков, киномеханик пускал крутить динамо для киноаппарата. Мы крутили по очереди и смотрели фильм.

Деревня Степная Дурасовка состояла из трёх порядков: два на большой улице и один – на малой, за речкой. В конце села, перед прудом, был небольшой заулочек, в котором стояли пять домов и флигель с подвалом перед кузней. Там ковали лошадей, ремонтировали плуги, бороны. Кузнец Мидонов делал нам, ребятишкам, самодельные коньки: на деревянной колодке внизу крепилась толстая проволока и прожигались отверстия для верёвок (ремешки), которыми коньки привязывались к валенкам. Катались мы на пруду, пока не выпадет глубокий снег.

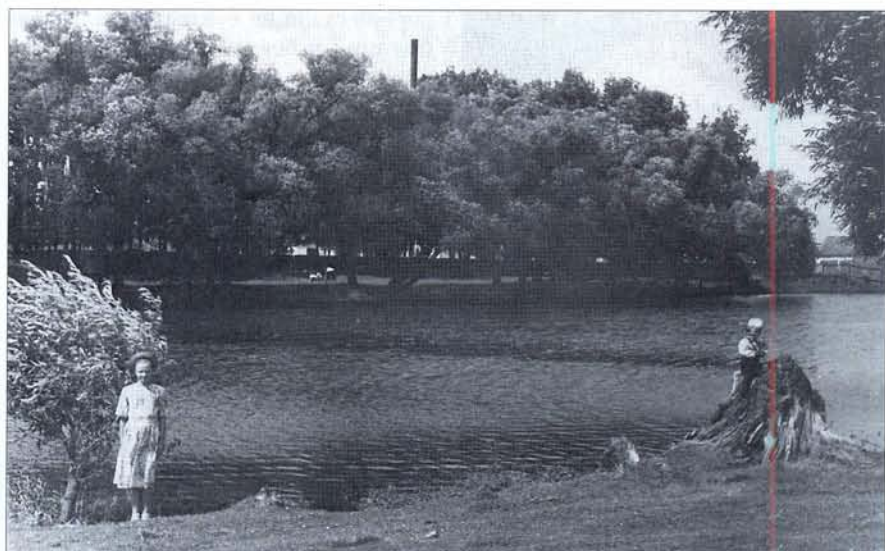
Дом родной

Наш дом находился в середине деревни, огород выходил на речку. Дом шатровый, четыре окна на улицу. Семья большая: папа, мама, бабушка Паша и пятеро ребятишек. Места всем хватало, хоть и тесновато. Я с бабушкой спал на печке, остальные – в горнице, малышка – в зыбке, в первой комнате. Летом все в горнице. На полу стелили постель. Отец работал на спиртзаводе, мама – в колхозе.

В прихожей комнате стояла русская печь, здесь же была столовая. В правом углу её над столом висела семилинейная лампа. По вечерам она освещала комнату. Над столом – небольшая полка, а выше – бабушкины иконы. В печи варилась и пеклась еда, жарилась картошка. Очень уж нам нравились бабушкины «палишки» – хлебные лепёшки с горячим чаем или молоком.

Дом, в котором родился и вырос автор статьи. Фото 1970 и 2013 годов

Дурасовский пруд. Место, где купались ребятишки и удили рыбу. На другом берегу виден спиртзавод

После улицы мы сразу забирались на печь, быстро согревались и часто засыпали – отдых отличный и лечебный.

Передняя комната (гостиница) – метров 15 или 16. При входе справа стоял подтопок, слева в углу – цветы: олеандр, фикус, аспарагус, на окнах герань. Между окнами – овальное зеркало в красивой никелированной рамке. Это зеркало и сейчас живо в деревне у родных. Перед окном в палисадник – письменный стол. За ним я готовил уроки, рисовал, слушал патефон. Особо нравился хор Пятницкого.

Школа

В школу я пошёл в 1935 году. Моей первой учительницей была Евгения Алексеевна Большакова. В классе нас было около 20 ребят. Доска грифельная, счёты в рамке стояли на полу. На них мы учились считать и умножать. Уроки проходили интересно, мы любили Евгению Алексеевну. Потом её семья уехала в Оренбург. В третьем классе нас стала учить Евдокия Андреевна Куликова, а муж её, Степан Григорьевич, занимался хозяйственным обеспечением школы.

Как-то во время занятий мы услышали шум и топот – взрослые куда-то бежали. Оказалось, около кладбища сел самолёт. Учительница и нам разрешила посмотреть на самолёт, ведь мы никогда не видели самолётов. Это была вынужденная посадка: лётчики осмотрели свой У-2, и вскоре он поднялся в воздух.

Дядя Кирсан

Деревня наша лесостепная, охотникам – приволье. Жил в деревне дядя Кирсан, пастух и охотник.

Летом нанимался пасти скот сельчан, а зимой ходил на охоту. Домик у дяди Кирсана был маленький, а семья большая. Жена умерла рано, и остался он с четырьмя детьми. Пятый сын был уже взрослый, женатый. Вот и нанимался дядя Кирсан пасти скот. Во дворе у него – несколько курченок и коза.

Одно время он занялся разведением кроликов – это в 1935–38 годах. Два крольчонка подарил мне, и я их вырастил. Пришло время их забивать, но отец мой Фёдор Петрович не мог это сделать, позвал дядю Кирсана. На охоту на зайцев и уток они ходили вместе. Из заячьих шкурок нам шили тёплые шапки. Да, туговато жил дядя Кирсан.

Речка Дурасовка

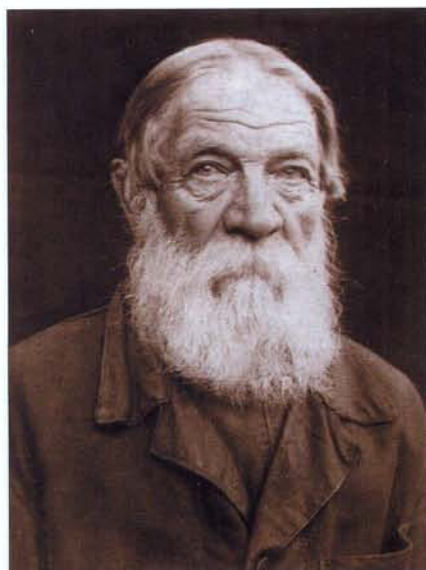
Наша речка начинается с Боринского врага. Это небольшой овражек, который уходит своим склоном, окружённым сосновым лесом, в начало деревни. Речка течёт, напитывается родниками и постепенно полнеет, у Волчьего врага она уже широко, вольготно разливается. Здесь сельчане устроили пчельник, окружив его высоким забором, а вдоль речки высадили тополя. В 1930-е годы тополя уже были большие.

Иногда речушка делает крутые повороты. В пойме речки – огороды для овощных культур, кое-где – яблони, вишни, черёмуха, почти в каждом огороде – смородина, малина, крыжовник.

К концу деревни речка разливаются и образует большой пруд. Плотины на ней построили очень давно, так как мельнице и спиртному заводу нужна была вода. И с некоторых пор в пруду появилась рыба: гольцы, пескари, карась. А в годы моего детства в пруд запустили мальков карпа. Старики и дети ходили удить рыбу. Иногда удавалось поймать одного-двух карпят. Помню, как-то мы с Валентином Никишиным рыбачили. Камыши мешали нам закидывать удочки. Пришлось мне держать за крючки, а Валентин закидывал и при забросе крючок вцепился в мой палец. Мы пытались освободить палец, но не удалось – больно было. Отгрызли леску, а крючок остался в пальце – так я и добежал домой. Отец отвёз меня в больницу, которая находилась в конце Беклемишева. Доктор осмотрел меня и сказал: «Отвернись», – и быстренько надрезал палец.

Мельница

На мельнице мололи зерно. Подъезжали подводы с зерном – пшеницей, рожью, а возвращались с мукой: обдирной, обойной и высшего качества. Ах, какой хлеб и калачи получались из этой муки!

Иконописец Н.К. Дубов

Мельниц на этой речке было три. Лучшая – в Дурасовке. Такого душистого хлеба, да ещё с молоком, давно я не пробовал.

Богомаз

На его иконы до сих пор смотрят греки, евреи, турки, арабы и русские. Созданные Николаем Дубовым святые лики взирают с церковных стен в Афоне, Иерусалиме и Константинополе. Жаль, что его имя практически никому неизвестно на родине. А ведь он слыл талантливым иконописцем, был знаком с отцом и дедом Аркадия Пластова и с самим художником.

По сведениям вешкаймского исследователя Владимира Шарикова, в селе Беклемишево Николая Константиновича Дубова знали как простого деревенского живописца. Говорят, что родом он из села Собакино, искусству иконописи учился в Жадовской художественной школе. Освоив это мастерство, он отправился путешествовать по России, а в 1890 году начал паломничать по святым местам. Два года Дубов прожил в Пантелеймоновском монастыре на Афоне, откуда тысячи паломников увозили его иконы в разные концы света, а потом перебрался в Иерусалим. Сбылась мечта богомаза – он приложился ко гробу Господню.

В 1912 году мастер вернулся в Россию. Работал без усталости: церкви расписывал, иконы писал, древность правил. Революция перевернула мир,

церкви стали не нужны. Николай Дубов осел в Беклемишеве, где его хорошо знали: он расписывал местную церковь. Власти объявили его «лишнем», а вскоре ночью к дому подкатил «воронок». Отсидел Николай Константинович шесть лет и вернулся в село, где его ждала любимая женщина Пелагея Петровна Иванова. Отныне богомаз Николай Дубов превратился в сельского художника: кисть, много лет создававшая лики святых, теперь малевала сценки из сельской жизни. Люди радовались его пейзажам на ковриках, фанерках, сундуках. Часто заказывали портреты. Были его работы и в нашей семье: портрет моей тёти, Пелагеи Петровны Белоусовой, и портрет троюродной сестры Зинаиды Степановны Никоновой.

В конце 1930-х годов начали громить беклемишевскую церковь и жечь иконы. Бабы голосили на всю округу. Крепкие стены церкви стоят и поныне. В начале 1990-х годов сельчане подремонтировали здание и поставили маленький купол, и там возобновилась служба, но ненадолго: в селе почти не осталось жителей.

Пожар в Дурасовке

Лето 1937 года было очень жарким. Часто дули сильные ветры, а бывали и вихри – ветровороты с массой пыли, похожие на смерчи. Иногда даже кур закручивали и выбрасывали где-то далеко. А ребяташки, завидев этот вихрь, кричали: «Дядя Захар-вихорь бежит!» – жил в деревне такой мужчина, который очень быстро ходил.

Вот в такую жару и случилась беда в Дурасовке. Где-то к обеду в центре села появилось зарево – огонь над домом Родионовых. Ветер дул с востока, а улицы располагались с запада на восток. Пламя быстро распространилось на соседние дома. Пока народ прибежал с завода и с поля, пламя уже охватило многие дома. Ветер усилился, а огонь разгорался. Пока приехали пожарные из Дурасовки и Беклемишева, 15 домов сгорели полностью. Крик, плач... Сгорели не только дома, но и одежда, домашний скарб.

Виновниками пожара оказались ребяташки Родионовых, которые разожгли во дворе костёр. Родионовым пришлось уехать из села.

Долго залечивалась эта беда, долго мыкались люди.

В Ульяновск

В середине 1940-го года, когда началась интенсивная вербовка рабочего населения из сельской местности, мой отец завербовался в Ульяновск. В то время жизнь, особенно в селе, была трудной: тяжело с продовольствием.

В семье нас было пятеро ребятшек. Сначала отец поехал со мной. Нужно было устроиться, найти жильё. Первые месяцы мы жили у его сестры Пелагеи Петровны на ул. Энгельса. Отец устроился на работу в стройтрест № 21 на должность уполномоченного по набору рабочих. В августе он снял квартиру в Конно-Подгородной слободе на ул. Красноармейской (ныне это улица Абулкова). Сюда переехала вся наша семья. Я и мои старшие братья пошли в Конно-Подгорную школу.

А впереди была война. И долгая, насыщенная событиями жизнь. Я стал городским жителем, но душа моя по-прежнему рвётся в родные места. Только вот село умирает, и дом наш, когда-то большой и шумный, теперь заброшен и уныло смотрит на улицу пустыми глазницами окон.

Константин Белоусов

Фото из архива автора

От редакции

Константин Фёдорович Белоусов – удивительный человек. Несмотря на возраст – а ему 29 мая 2013 года исполнилось 85 лет, – он по-прежнему бодр и увлекается краеведением. Много читает, работает в читальных залах библиотек и в архивах, ездит собирать исторический материал в родной Вешкаймский район.

Поздравляем Константина Фёдоровича с днём рождения и желаем долгих лет жизни и новых побед!